

Перед ужином машина Фан Юя въехала на территорию Виллы Западных гор.

Фан Ци вовсю резвился в палисаднике. Малыш потешно вырядился в плотный дождевик и резиновые сапожки. При нём было грозное оружие: водяной пистолет, огромное ведро и полуметровое водяное колесо. В радиусе нескольких метров всё вокруг было залито водой, изрядно досталось даже укрытым в клумбах молодым побегам.

Сделай такое кто-нибудь другой, хоть сам Юй, хоть Фан Цинь в детстве, Фан Боцюнь быстро устроил бы им взбучку — для них подобные наказания были обычным делом. Но слепая любовь к внукам — болезнь неизлечимая. Единственным человеком на свете, способным вить верёвки из сурового Фан Боцюня, оставался его семилетний внук Фан Ци. Стоило малышу пальцем ткнуть, как дед выполнял любое его желание. К счастью, избаловать мальчишку ещё не успели.

Наблюдая за капризами и шалостями племянника, Фан Юй порой видел в нём тень покойного брата. Возможно, именно поэтому Фан Боцюнь так неистово баловал внука. Своеобразная, едва уловимая компенсация за былые утраты — любой, кто долго жил в этой семье, сразу бы всё понял.

— Младший дядя! — звонкий детский голосок мгновенно вернул Фан Юя к реальности. В ту же секунду тугая струя воды едва не угодила ему прямо в лицо. — Ха-ха-ха! Дядя, ты о чём задумался? Получай!

Фан Ци, облачённый в прозрачный дождевик, напоминал маленького дезинфектора на карантине. Юй даже не шелохнулся. Он лишь прикрыл лицо и грудь большой картонной коробкой с моделью динозавра, которую держал в руках.

Шлёп!

Юй слегка наклонил голову и взглянул на племянника из-за угла коробки. Фан Ци уже отбросил свой пистолет на траву и на бегу стягивал дождевик, бросая его прямо под ноги.

— Ого! Это мне динозавр? Мне? Да? — захлёбываясь от восторга, мальчик запрыгал на месте, пытаясь ухватить огромную коробку. Стоило ему разволноваться, как он начинал без умолку повторять одно и то же: — Дядя, это мне? Правда мне?

От этого оглушительного писка у Фан Юя заложило уши.

— Тебе, тебе, — проворчал он, закидывая коробку на плечо. — Но сперва подбери дождевик и пистолет. Живо.

Малыш вихрем умчался назад, сгрёб мокрые вещи и тут же примчался обратно, бесцеремонно всучив капающие игрушки дяде в руки. Затем он обеими руками вцепился в локоть Юя, стараясь стащить заветную коробку с его плеча.

— Держи, — Фан Юй отдал подарок племяннику, а сам аккуратно сложил мокрый плащ и пистолет в ведро и зашёл в дом вслед за сияющим Фан Ци.

Фан Боцуня в гостиной не оказалось — на кухне кухарка вовсю хлопотала над ужином. Фан Ци даже сапоги снять забыл: плюхнулся прямо на ковёр и принялся рвать картонную упаковку.

Фан Юй поднялся на второй этаж и подошёл к кабинету главы семейства. Стукнул дважды по дубовой двери.

— Войди! — глухой, раскатистый голос хозяина дома растянул гласную.

— Дядя Фан, — поздоровался Юй, прикрыв за собой дверь, и прошёл к кожаному дивану.

— Пришёл. Фан Ци всё ещё возится с водой? — Фан Боцунь выводил иероглифы на рисовой бумаге и даже не поднял взгляда на вошедшего.

— Сидит в гостиной, разбирает подарок.

Юй лениво наблюдал за рукой старшего. Тот держал кисть идеально ровно: движения пальцев и запястья были выверены, точны, штрихи ложились на бумагу уверенно и твёрдо.

— Игрушек у него развелось столько, что скоро в игровой места не останется, — мягко заметил Фан Боцунь, и в его голосе проскользнули тёплые нотки. — Будет время, освободи один из пустующих гаражей под его склад.

— Сделаю, — кивнул Юй.

Здесь, в стенах семейного гнезда, он разительно менялся. Всю свою дерзость, цинизм и вальяжную разгульность он оставлял там, за воротами поместья. Перед дядей предстал совсем другой Фан Юй — сдержанный, почтительный, внимательный к деталям. Тот, кого никогда не видели его столичные приятели.

— Давно навещал Ян Ди? — Фан Боцунь наконец оторвался от каллиграфии и посмотрел на племянника. Он, казалось, пытался заглянуть Юю в самую душу своим тёмным, пронизательным взглядом.

— На прошлой неделе заезжал к ним, — ответил Юй.

Один визит за полмесяца. Он прекрасно понимал, к чему клонит дядя. Ян Ди училась на четвёртом курсе, скоро защита диплома, а значит, пора предметно обсуждать свадьбу.

— Пригласи её к нам на ужин в следующую пятницу, — Фан Боцюнь опустил кисть в чашу для умывания и потянулся к влажному полотенцу. Тщательно вытирая руки, он добавил: — Слышал, её брат Ян Тин вернулся из-за границы. Позови и его.

Приглашение невесты вместе с братом — тонкий ход. Кого именно на самом деле хотел видеть Фан Боцюнь, прямо говорить не требовалось. Юй сильно сомневался, что Ян Ди сумеет уговорить брата прийти, но, судя по тону дяди, это и не было обязательным условием.

Когда два человека связаны лишь узами взаимной выгоды и сложного статуса, им волей-неволей приходится играть в эти лицемерные игры.

Они вышли из кабинета и направились в столовую. В гостиной Фан Ци уже успел оккупировать всё свободное пространство, расставив фигурки ящеров по всему ковру.

— Дедушка, дедушка, осторожнее! Обойди вот тут, не наступи на тираннозавра! — Малыш сидел посреди этого пластикового мезозоя и пальцем указывал деду безопасную тропу.

Фан Боцюнь добродушно усмехнулся и послушно поплёлся в обход.

— Младший дядя, а это что за буква? Я в этой инструкции ничего не разберу, — пожаловался Фан Ци, взъерошив волосы.

Юй присел рядом с ним на корточки, ласково пригладил его растрёпанный вихор и забрал буклет.

— Ну-ка, давай посмотрим... — Он принялся терпеливо объяснять племяннику, как собирать декорации для динозавров.

Если не считать дежурств по выходным, будни Фу Цзяньси в академии напоминали заевшую пластинку. С понедельника по пятницу он только и делал, что писал картины — оттачивал теорию на практике, день за днём. Менялись лишь образы на холсте, послушные ходу времени и его собственному настроению.

Дацзянь как-то бросил, что тратить всю жизнь на одну лишь живопись — непозволительная роскошь. Цзяньси тогда промолчал, хотя в душе считал ровно наоборот: по-настоящему впустую уходит то время, когда он не держит в руках кисть. Если бы не суровая реальность — наследства деда хватало в обрез на оплату учёбы, — он бы сутками не вылезал из мастерской. Позволил бы себе пустить корни в эту палитру красок, чтобы однажды прорасти диковинным,

ярким деревом.

Вззз, вззз!

Телефон в кармане брюк зажужжал в самый неподходящий момент. Цзяньси, едва успевший расстегнуть ширинку, мысленно пообещал придушить звонившего. Достал трубку и убедился — точно, заслужил.

— Слушаю.

— Алло! Цзяньси! Да погоди ты... — Хэ Цзянь дышал в трубку так тяжело, словно только что пробежал кросс, но никак не мог выдать мысль.

— Рожай быстрее, не томи, — Цзяньси застыл у писсуара в весьма двусмысленной позе.

— Чёрт, меня просто разрывает! Мой внутренний радар спятил от таких сплетен! — судя по гулкому эху, Дацзянь прятался где-то на пустой лестничной клетке.

— Говори, или я вешаю трубку.

— Стой-стой! Помнишь того хлыща, который к тебе клеился? Он только что в репетиционном зале обжимался с Юньгэ! Да так страстно — обнимашки, поцелуи... Охренеть можно! Этот Юньгэ обычно ходит, задрав нос выше крыши, а тут присмирел, как овечка. У меня челюсть на пол упала! Дай отдышаться, ну и жара!

— Из-за твоего трёпа у меня весь настрой пропал, — Цзяньси вздохнул и убрал телефон от уха, застёгивая брюки и направляясь к умывальникам.

— Ой! Прости, бро, ты что, «своего» выгуливал? — В трубке раздался довольный, неприлично громкий ржач.

— Ближе к делу, — Цзяньси зажал мобильник между плечом и ухом, открывая кран с водой.

— Ладно, слушай суть. Во-первых, его зовут Фан Юй. Брат Ли обмолвился, что он какой-то родственник нашего босса, больше ничего не нарыл. Во-вторых, Юньгэ перед ним стелился так, что у меня все шаблоны порвало. Сам подумай: если уж капризная топ-модель у него с рук ест, этот господин явно непрост. Неужели тебе совсем не любопытно?

— С чего бы мне соперничать с овцой... точнее, с целым стадом овец за внимание одного волка? Мы люди из разных миров. Слишком разные взгляды на жизнь, пустая трата времени. Понимаешь? — Цзяньси вытер руки бумажным полотенцем. Его голос звучал ровно и безучастно.

— Понимаю... — Дацзянь замялся. Доводы друга казались логичными, но спорить с его убийственной уверенностью было бесполезно. Он просто признал поражение перед этим ледяным спокойствием.

— Отбой.

— погоди, стой! Главное-то забыл! — вовремя спохватился Дацзянь.

— То есть тонна сплетен — это так, разминка была? — спросил Цзяньси, выходя в коридор академии.

— Сегодня же пятница, у тебя ночная смена? Не мотайся домой. Давай встретимся в корейском ресторанчике прямо напротив твоих ворот. С меня мясо! — Дацзянь вещал с такой щедростью, будто только что сорвал джекпот и готов был взять друга на полное обеспечение.

После занятий Фу Цзяньси ждал друга у западного выхода из метро. Его городской байк стоял неподалёку, прислонённый к кирпичной стене. Дацзянь прислал сообщение: «Буду через три станции, жди у входа».

Цзяньси привалился к раме велосипеда, вставил в уши наушники и увлечённо рубился в мобильную игру. В какой-то момент он кожей почувствовал чей-то пристальный, почти осязаемый взгляд. Мимо постоянно сновали студенты, но их вежливое любопытство обычно испарялось за пару секунд. Этот же взгляд буквально буравил его насквозь.

Нажав на паузу, Цзяньси оторвался от экрана и огляделся.

Какая поразительная ирония судьбы. Прямо у ворот Академии художеств стоял главный герой только что прослушанной сплетни.

Фан Юй сидел на водительском сиденье своего внедорожника. Лениво положив одну руку на руль, он указательным пальцем второй приспустил солнцезащитные очки на переносицу. Его взгляд сквозь опущенное стекло пассажирской двери был намертво прикован к юноше с велосипедом.

Их глаза встретились. Цзяньси безучастно скользнул взглядом по лицу мужчины, вернулся к экрану смартфона и продолжил прерванный раунд.

Юй никак не ожидал встретить здесь этого парня. Приятное удивление мигом вытеснило раздражение, оставшееся после сцены с навязчивым Юньгэ.

Он заглушил мотор, вышел из машины и, обойдя капот, прислонился к пассажирской дверце, беззастенчиво разглядывая Цзяньси.

Свободное серое худи, тёмные спортивные штаны и кроссовки в тон. Чёрный силуэт велосипеда за его спиной сливался с одеждой, и единственным ярким пятном выделялся кислотно-зелёный провод наушников. Он тянулся вдоль бледной скулы к тонким пальцам, сжимавшим телефон. Парень так и лучился безупречной, чистой юностью. В этой небрежной простоте крылось какое-то дикое, непреодолимое притяжение, против которого у Фан Юя не было противоядия.

Нацепив очки обратно, Юй скрестил руки на груди и вальяжно вытянул ноги. Темные линзы скрывали направление его взгляда, не позволяя случайным прохожим угадать, кого именно он пожирает глазами. И всё же эта немая сцена у ворот приковывала внимание каждого, кто выходил из академии.

Их разделяло около пяти метров тротуара. Две полные противоположности: один — холёный, слегка высокомерный мужчина, скрывающий мысли за тёмными стёклами очков; второй — расслабленный студент, уткнувшийся в телефон с самым равнодушным видом.

Фу Цзяньси давно заслужил в академии славу «ледяного цветка на заснеженной вершине» — прекрасного, но совершенно недостижимого. Студенты привыкли любоваться им издалека, не решаясь подойти ближе.

Фан Юй же одним своим видом заявлял, что он — прожжённый ловелас, привыкший купаться во внимании и с лёгкостью кружить головы.

Цзяньси тем временем уже закрыл игру и лениво листал скидочные купоны в мясной ресторан.

— Ян Ди, смотри, за тобой твой парень приехал! — раздался за его спиной девичий голос.

— Какой ещё парень? Они вообще-то помолвлены, так что зови его женихом, — тут же поправила подругу вторая.

Цзяньси лениво поднял глаза на проходившую мимо тройцу. Девушки тоже мазнули по нему взглядом и мгновенно замерли. На их лицах отразился такой дикий восторг, словно они только что встретили мировую поп-звезду.

Интуиция услужливо подсказала Цзяньси: этот классический мыльно-оперный сюжет просто обязан крутиться вокруг того самого пижона у машины. Для полноты образа заправского мерзавца не хватало именно такой детали.

— Боже, это же наш местный принц! Самый красивый парень на потоке! — зашептались девчонки, замедля шаг и то и дело оборачиваясь назад без малейшего стеснения.

— Ян Ди, Ян Ди, держите меня, я сейчас упаду! — одна из подруг вцепилась в рукав шедшей посередине девушки в длинном платье.

— Да не трясى ты меня, у самой коленки подгибаются, — отмахнулась Ян Ди и, взяв себя в руки, направилась напрямик к Фан Юю. — Ты сегодня рано.

Юй нехотя перевёл взгляд с Цзяньси на невесту. На его лице проступила дежурная вежливая улыбка. Набросив руку ей на плечо, он другой рукой распахнул перед ней пассажирскую дверь.

— Ну всё, девочки, пока! — Ян Ди помахала подругам, но её взгляд, как и у остальных двух девчонок, снова предательски скользнул к застывшему у велосипеда юноше. В их глазах горело одинаковое, нескрываемое восхищение.

Юй мысленно усмехнулся. Эти девичьи взгляды до боли напоминали его собственный интерес, который он так тщательно прятал за темными линзами. «Хорошо, что я в очках», — подумал он.

— Твой знакомый? — небрежно поинтересовался он у севшей в салон Ян Ди.

— Да его вся академия знает, — хмыкнула она, устраиваясь на сиденье. — Наша местная легенда. И первый красавец, и первая «красавица» в одном флаконе.

Фан Юй сел за руль. Защёлкивая ремень безопасности, он ещё раз бросил быстрый взгляд на тротуар.

— «Первая красавица»? — как бы между прочим переспросил он.

— Ну да. Парни зовут его эталоном, а девчонки шутят, что даже признанная мисс академии на его фоне блекнет. Вот и прозвали любя — наш самый красивый цветок. Жаль, ты его толком не разглядел, — с сожалением добавила Ян Ди, покосившись на жениха. — У него внешность потрясающая. Говорят, на одну восьмую европеец. Черты лица идеальные, с какого ракурса ни посмотри — чистый восторг.

Фан Юй плавно нажал на газ, молча слушая щебет невесты. «Чистый восторг, говоришь?» — мысленно хмыкнул он. Спорить не хотелось — парень действительно был чертовски хорош. Иначе как ещё объяснить тот факт, что Юй уже который раз ловит себя на невозможности отвести от него глаз?